

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**ДРАГОЦЕННЫЙ
ВЫСТРЕЛ**

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии художников *В. Шербакова, Г. Саукова*
Иллюстрация художника *В. Петелина*

Серия основана в 1993 году

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Драгоценный выстрел / Николай Леонов, Алексей
Макеев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. —
(Черная кошка).

ISBN 978-5-04-089646-2

Полковник Гуров расследует обстоятельства гибели сотрудника частного охранного предприятия Кирилла Титова. Его труп обнаружен на свалке, и произошло это вскоре после тренировки охранников на местной спортивной базе. Допросив коллег погибшего, сыщик выделяет среди них напарника Кирилла, некоего Игоря. Не так давно оба бойца участвовали в захвате грабителей ювелирного салона, владелец которого в ходе операции случайно погиб. Но случайно ли? У Гурова появляется с виду абсурдная версия, которая тем не менее стремительно начинает находить подтверждение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089646-2

© Макеев А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Драгоценный выстрел

ПОВЕСТЬ

Глава 1

— Не боишься, что они просто перестреляют друг друга?

— До смерти — навряд ли. Что я, зря на экипировку потратился? Бронежилеты, каски. Не волнуйся, жизненно важные органы не пострадают. И потом, у них строгий приказ — целиться исключительно в бронежилет.

— А руки-ноги? Пули-то реальные.

— Руки-ноги до свадьбы заживут. Зато на своей шкуре почувствуют, каково мне тогда было. В другой раз пожизненно будут поворачиваться.

— Ждешь другого раза?

— Типун тебе на язык! Я и с того еще никак в себя не приду.

— Поэтому и задумал эту «страшную месть»?

— Не месть, а тренировка. Слишком хорошо живут, салом заплывать начали. Быки. Пускай попрыгают, мяса порастрясут.

На крыше обветшавшего строения, в котором когда-то располагались производственные цеха, стояли два человека с биноклями. Перед ними расстилалась обширная территория, где раньше находилась промышленная база, а сейчас, полуразрушенные и заброшенные, виднелись лишь остатки былого величия.

На этой пересеченной местности разворачивалось действие, напомилавшее телерепортажи из «горячих» точек. От укрытия к укрытию перебежали люди, экипиро-

ванные, как бойцы спецназа, и стреляли друг в друга из пистолетов. На черных бронжилетах четко выделялись и издалека были видны цифры. У одних они были красного цвета, у других синего.

— Ага! Один есть! — глядя в бинокль, издал победный клич высокий, представительный мужчина, только что уверявший своего собеседника, что в этой игре никто никого не должен «убить до смерти».

— Что, попал? — Второй наблюдатель тоже приложил бинокль к глазам.

— Еще как попал! Видишь, он руку поднял и в сторонку отваливает? Больше не прячется. Значит, убит. Такой уговор. Если бронжилет повредили — выходишь из игры. Теперь у моих на одного больше. Стараются, пупсики. Правильно, бабки, они ведь всем нравятся.

— Победитель получает приз?

— Само собой. Я за справедливость. Если виноват, будешь наказан, а если честно заработал — получи. Проигрывает тот, у кого никто «в живых» не останется. Команды по пять человек. Та, у которой все пять «броников» испортят, уходит ни с чем.

— А вторая — с полными карманами бабла?

— Да, но тоже только те, у кого бронжилет целый. Нечего на чужом горбу выезжать. Если дал себя «убить», значит, грош тебе цена. Независимо от того, в какой ты команде.

— Жестко.

— Справедливо. Если они себя защитит не могут, как будут меня защищать? Так, как в прошлый раз? Не надо, это мы уже проходили. Пусть учатся работать как следует. Я им и так все позиционные преимущества обеспечил. Если уж эти «желторотики» после месяца тренировки их переиграют, значит, вообще грош им цена. Уволю к чертовой матери! Всех до единого!

— А что, эти «манекены» твои — совсем никакие?

— Ну, уж бывших десантников среди них точно нет, — усмехнулся высокий. — Брал со спортивной подготовкой.

«Без опыта работы», как говорится. И еще тех, кто занимался частной охраной. Мои-то ведь тоже не из спецназовцев, сам понимаешь.

— Может, в этом вся проблема?

— Может быть. Вот мы сейчас и выясним. Если уж они с полными дилетантами не справятся, тогда... К чертовой матери тогда! Пускай сторожами на автостоянку идут.

— А почему пистолеты? Что, на «калаши» денег не хватило?

— Обойдутся. Из «калаша» и дурак попадет, а вот пускай они с пистолетиками попрыгают. Да и потом — им же не в глаз метить. Такой задачи не ставится. А уж в бронжилет не попасть... Пускай только попробуют. Всех уволю!

— Что ж, в целом резонно. Дальность здесь небольшая, все на одном пяточке тусуются. Да и для твоих тренировок вполне адекватная. Ты же не с автоматами их за собой таскаешь.

— Вот именно.

— А вообще, они легко согласились на «эксперимент»?

— Не очень, — снова усмехнулся высокий. — Но ведь со мной разговоры разговаривать незачем. Они провинились, работу свою не сделали. Считаю, намеренно поставили под удар.

— Так уж прямо — намеренно?

— Да даже если и не намеренно. Пускай по халатности. Разница-то небольшая, особенно для меня. Они не двор подметать наняты, чтобы халатность допускать. Из-за них меня чуть на тот свет не отправили. Такая «халатность», она, знаешь... она к убийству по неосторожности приравнивается. А это — уголовная статья. Если я юристам команду «фас» дам, они этих слонов ленивых под следствием сгноят. До конца дней будут в «сопутствующих обстоятельствах» разбираться. Может, они в сговоре с нападавшими состояли и умышленно так действовали, чтобы у тех возможность появилась мне вред нанести? В общем, когда я им все это популярно объяснил, они против «эксперимента» уже не возражали.

— А «желторотики», я думаю, тем более не возражали?

— Эти — да, этих, наоборот, еще притормаживать пришлось. Спят и видят, когда их в «горячие» точки пошлют. Я, конечно, такой энтузиазм всячески поддерживал. «Скоро, — говорю, — ребята, уже совсем скоро. Вот, мол, вам последнее испытание, будете сражаться с реальными профессионалами на полигоне. Если достойно выдержите, прямо сейчас в Сирию отправим».

Собеседники засмеялись.

Обменявшись еще парой саркастических замечаний, они снова взяли за бинокли и с интересом стали наблюдать за происходящим.

— Опа! — через минуту воскликнул второй из них, низенький толстячок в длинном, почти до пят, плаще. — Смотри-ка, похоже, еще одного твои «завалили». С красными номерами — это ведь «враги»?

— Да, это «желторотики». Мои — синие. Пришлось «пронумеровать» их и цветом выделить, а то экипировка у всех одинаковая, лиц за касками тоже не видно, не различишь, где свой, где чужой. Да чего он теперь валяется, я не пойму? — недоуменно и с раздражением продолжал высокий, глядя в бинокль. — Понятно уже, что убит. Перед кем спектакль разыгрывает? Вставай и отваливай, не мешай другим продолжать.

Но человек в бронежилете и каске, лежавший сейчас возле одного из полуразрушенных строений, не вставал.

Высокий мужчина достал телефон и активировал один из контактов.

— Женя, посмотри, что там, — недовольным тоном проговорил он. — Чего он там залег? В ногу, что ли, ему попали?

Один из бойцов три раза выстрелил в воздух и, уже не прячась, направился к лежавшему человеку. Подойдя, наклонился к нему и, осмотрев, проговорил что-то в телефонную трубку.

— Что?! — вне себя выкрикнул высокий. — Что значит насмерть? Как его могли насмерть? Кто стрелял?!!

Полковник Гуров выходил из комнаты для допросов, где в течение почти трех часов длилась беседа с подозреваемым. «Клиент» попался упорный, и полковник шел по коридору утомленный и взмокший, будто побывал в сауне.

Выйдя из следственного изолятора на улицу, он с удовольствием вдохнул прохладный октябрьский воздух. Осенняя атмосфера подействовала, как охлаждающая жидкость на перегретый автомобильный двигатель.

— Лев Иванович... — неуверенно прозвучало за спиной.

Обернувшись, Гуров увидел, что следом за ним из СИЗО вышел дежурный.

Андрей Калязин, молодой парень, огромного роста и богатырского телосложения, сейчас мялся и чуть ли не краснел в нерешительности, не зная, как начать разговор.

Еще утром, прибыв на допрос, полковник заметил пытливо-вопросительные взгляды, которые бросал в его сторону Андрей. Но тогда он ничего не сказал и ни о чем не спросил. Да и сейчас, кажется, только в последнюю минуту набрался храбрости, поняв, что полковник вот-вот уедет.

— Лев Иванович, можно с вами поговорить?

— Говори, Андрюша. Что стряслось?

— У моей матери знакомая... тетя Люда. У нее сын пропал. Она в полицию подала заявление, но ей все кажется, что никто ничего не делает. А у нее, кроме Кирилла, никого больше не осталось. Муж умер, родственников нет. Понятно, волнуется. Вот мать и пристала ко мне, найди да найди кого-нибудь. Ты, дескать, в органах ведь работаешь. А кого я могу найти? Я же не следователь. Вот я и подумал... хотел спросить у вас. Может, вы согласитесь все это... как бы... проверить.

— Хм, не знаю, — неопределенно ответил Лев. — А как он пропал? Случай какой-нибудь был или просто домой с работы не пришел? Что произошло?

— Я, в общем-то, подробностей не знаю. Мамка говорила, что Кирилл этот на новую работу устроился.

Очень уж денежную. И действительно, хорошо зарабатывал, денег много домой приносил. Где-то с месяц так они поспражновали, а потом он пропал. Я подробностей не знаю. Но если вы согласитесь... проверить, то можно будет тете Люде позвонить, она сама все расскажет.

Глядя на этого огромного верзилу, смущенно переминавшегося с ноги на ногу и так по-детски, с надеждой и ожиданием на него смотревшего, Гуров не мог не улыбнуться.

— Ладно, звони своей тете Люде, — кивнул он. — Послушаем, что она расскажет.

— Правда? Вы правда согласны? Эх... вот это да! Сам Гуров!.. Я сейчас. Одну минуточку. Я только телефон возьму. Не уходите, пожалуйста. Я сейчас.

Андрей стремглав бросился к дверям и через минуту уже вернулся, держа в руке телефон.

— Алло, тетя Люда? Это Андрей. Калязин Андрей. Я договорился по вашему вопросу. Да, нашел. Сам полковник Гуров согласился. Что? Что значит какой Гуров? Да это... да это самый знаменитый человек во всем управлении. Да, правда. Что? Нет. Ему нужно будет сначала поговорить с вами. Когда вы сможете подойти?

— Подожди-ка, Андрюша, — перебил его Лев. — Я сегодня весь день в разъездах, в кабинет только к вечеру попаду, да и то если все удачно сложится. Зачем твоя тетя Люда будет зря ходить? Дай-ка мне трубочку, может, мы по-другому договоримся.

— Да? Хорошо, как скажете, — с готовностью согласился Андрей. — Тетя Люда? Сейчас он сам с вами поговорит. Как кто? Гуров. Гуров Лев Иванович. Пожалуйста, Лев Иванович, — повернулся он к полковнику, протягивая ему трубку.

— Алло, Людмила... извините, не знаю, как по отчеству. Ивановна? Хорошо. Людмила Ивановна, вы в каком районе живете? В Мытищах? А во сколько бываете дома? После пяти? Очень хорошо. Говорите адрес, я к вам подъеду. Ничего, ничего, никакого беспокойства. Так, наобо-

рот, гораздо удобнее. Я ведь не сижу целыми днями в кабинете, поэтому мне проще подъехать к вам самому, чем назначать какое-то время. Если я появлюсь в промежутке между пятью и семью вечера, вам будет удобно? Вот и отлично. Значит, договорились. Тогда до встречи. Всего доброго!

— Большое вам спасибо, Лев Иванович! — с чувством повторил Андрей, принимая назад телефон. — Так хорошо, что вы согласились. Теперь уж этот Кирилл точно найдется. А то она так переживает.

— А ты сам знаком с этим Кириллом? — спросил Гуров.

— Не-а, — протянул Андрей. — Я и тетю Люду-то знаю постольку-поскольку. Они с мамой подружки школьные и часто общаются. Когда она к нам в гости заходит, видимся. А чтобы семьями дружить, такого нет. Так что сам я Кирилла не знаю, только тетю Люду.

Поговорив с Андреем, Лев сел за руль и поехал по очередному адресу, продолжая рабочий день, как всегда хлопотный и насыщенный. Около шести вечера, выполнив все задания, которые сам себе задал на сегодня, он припарковался возле кирпичной девятиэтажки, где проживала «тетя Люда», подошел к двери подъезда и набрал кодовый номер квартиры.

— Кто там? — раздался настороженный женский голос.

— Это Гуров. Полковник Лев Гуров, мы с вами общались сегодня утром.

— Ах да! Да, конечно. Проходите. У нас седьмой этаж. Дверь открылась, Лев прошел к лифту и поднялся на седьмой этаж.

Поскольку его уже ждали, звонить в квартиру не пришлось, хозяйка уже встречала его, слегка приоткрыв дверь.

Светловолосая женщина лет пятидесяти, стоявшая сейчас у двери, несомненно, следила за собой и для сво-

его возраста выглядела очень неплохо. Но тоскливое выражение лица и горечь, читавшаяся в ее глазах, ясно говорили о том, что она переживает не самый лучший период своей жизни.

— Здравствуйте, — приветливо улыбнулась она. — Значит, вы тот самый знаменитый Гуров?

— Это Андрей преувеличил, — улыбнулся в ответ Лев. — Так что же у вас произошло?

— Проходите, пожалуйста, — пригласила его Людмила Ивановна, отходя от двери и пропуская гостя в квартиру. — Что вам предложить? Кофе, чай?

— Нет, спасибо. Давайте просто поговорим. Расскажи мне, что случилось.

Пройдя следом за хозяйкой в комнату, Гуров устроился в кресле и приготовился слушать.

— Мой сын, Кирилл, работал в охранным предприятии, — начала Людмила. — Некоторым кажется, что это работа — не бей лежачего. Часто так оно и бывает. Но Кирилл как магнит притягивает к себе разные приключения. Мало того, что он то и дело попадает в какие-то разборки, то с перебравшими посетителями в ресторане, то с неадекватными юнцами на дискотеках. Это бы еще ничего. Но несколько раз ему пришлось участвовать в настоящих бандитских нападениях. Ну, то есть не в числе нападавших, разумеется, — поправилась хозяйка. — Их фирма курирует ювелирную сеть, и однажды Кириллу с ребятами пришлось отбиваться от вооруженного ограбления. Вооруженного, я подчеркиваю.

— Вы считали эту работу слишком опасной?

— О да. Слишком опасной. Чересчур. Но Кирилл не желал ничего слушать. Как же! Он ведь настоящий мужчина и должен заниматься мужским делом. Ладно бы это еще как-то оправдывалось финансово, а то ведь зарплаты у них там самые... средние. Непонятно, за что люди должны рисковать своей жизнью. И поэтому, когда Кирилл сообщил мне, что переходит на другую работу, я сначала очень обрадовалась. Уже одно то, что теперь не придется

все время бояться, что при очередном вызове его могут искалечить или даже убить, внушало мне оптимизм. Но потом я поняла, что, кажется, обрадовалась рано.

— Работа снова оказалась опасной?

— В том-то и дело, что это было абсолютно непонятно. Кирилл ничего не рассказывал о своей новой работе. Ни где он работает, ни кем. А неизвестность порой хуже самых плохих новостей, сами знаете. Я пыталась расспрашивать, но это ни к чему не привело. Кирилл все время ссылался на какой-то «режим секретности», на то, что он не имеет права рассказывать о своей работе. Да и виделись мы теперь с ним гораздо реже. Домой он приезжал только по воскресеньям, говорил, что все остальное время должен находиться на какой-то базе, что это, дескать, условие контракта.

— А самому Кириллу эта новая работа нравилась? — поинтересовался Гуров. — Вы не замечали, что он становится угрюмым или настороженным? Что эта скрытность, возможно, и самого его тяготит?

— Нет,нисколько, — ответила Людмила. — Судя по его виду, наоборот, можно было сказать, что он доволен как никогда. Приезжал всегда веселый, полный энтузиазма. Правда, немного осунулся, и видно было, что уставал, но, похоже, это его ничуть не огорчало. Возможно, из-за того, что теперь усилия достойно вознаграждались. Деньги им выплачивали каждую неделю, и, судя по тому, что он привозил, работа и впрямь была стоящая. За месяц на этой базе он получил почти столько же, сколько за полгода работы в охранной фирме.

— А он проработал на базе месяц?

— Выходит, что так. В прошлые выходные я ждала его как обычно, но он не приехал. Телефон тоже не отвечает. Правда, в течение недели он специально его отключал, и я знала, что звонить бессмысленно. Все из-за этого загадочного «режима секретности». Но в воскресенье обычно уже можно было дозвониться. Однако в тот раз, сколько я ни пыталась, ничего у меня не вышло.